

В ту ночь Ши Удуань вошел в свою комнату и отпустил птицу и кролика. Он сидел на кровати, словно марионетка, у которой обрезали ниточки. Его разум был пуст, словно он только что перегрузил его и забыл, как думать.

В течение нескольких минут он медленно начал все осмысливать. Он начал чувствовать боль в сердце. Как будто в мгновение ока его мир перевернулся с ног на голову. Дорога перед ним была окутана туманом, а если он оглядывался назад, то все, что когда-то произошло, казалось таким нереальным.

Ши Удуань сидел на кровати, сжимая грудь. Уголки его рта подергивались. Ему хотелось выть и рыдать, но, хотя выражение его лица исказилось от горя, слезы не выступали. Вдруг он что-то вспомнил и снова задрожал и, наконец, заплакал. Затем он ожесточенно вытер лицо, снял обувь и ступил на пол. С опаской он прислонился к окну и осмотрел окрестности. Во дворе не было никого, кто бы следил за ним. С облегчением, он сел обратно на кровать, чтобы продолжить плакать.

Но как только он сел, слезы, которые он вызвал, снова отступили, болезненно застыв внутри.

Слишком многое произошло за последние несколько дней, он устал и обессилен, поэтому, упав обратно на кровать, он потерял сознание едва его голова коснулась подушки. Зависнув на грани между сном и бодрствованием, он проснулся, взмокнув от пота. Он перевернулся на спину, открыл лежащую рядом сумку, достал астролябию и прижал ее к груди. Затем он достал кинжал, спрятал его под подушку и держал руку на нем. Только после этого он облегченно вздохнул и продолжил спать.

На следующий день Битан отправил к нему человека с новой одеждой. Ши Удуань колебался и, пока никто не видел, осторожно понюхал одежду. Не почувствовав ничего необычного, он облачился в белые траурные одежды.

Как только он вышел со двора, несколько человек стали неотступно следовать за ним. Ши Удуань подумал: похоже, что бежать сейчас невозможно. Как они намерены поступить со мной?

Похоже, у него был врожденный талант держать радость и гнев на лице и контролировать выражение лица, чтобы скрыть свои эмоции. За те десять лет, что он прожил, он всегда ладил со всеми. Впервые он столкнулся с людьми с враждебными намерениями, и тогда проявился его дар. Другие видели только, как он спокойно стоял рядом с гробом бывшего мастера секты. На его лице не было слез, но его аура была тяжелой, как смерть, и оттого он скорее больше был похож на взрослого нежели на ребенка своего возраста.

Битан наблюдал за ним в течение нескольких дней и обнаружил, что этот некогда энергичный ребенок стал молчаливым, он полностью изменился, словно в мгновение ока превратился из ребенка в юношу. Раньше Ши Удуань был человеком, который создавал проблемы, если их не было, был дружелюбен со всеми и мог болтать без умолку. Когда он вернулся, он уже почти ни с кем не хотел разговаривать.

Однако Ши Удуань был еще слишком молод, а его культивация была слишком слабой. Сколько бы усилий он ни прикладывал, наблюдательные люди все равно видели его недостатки.

Битан заметил, что всякий раз, когда кто-то приближался к нему, Ши Удуань напрягался, а затем расслаблялся со странным выражением лица. Он старательно контролировал свое выражение, но оно все равно выглядело не совсем естественным.

В тот день рядом с ним был Банья, который смотрел на Ши Удуаня. Через некоторое время он тихо сказал:

«Шисюн, он кажется....».

Он сделал небольшую паузу, глядя на лицо Битана, а затем продолжил:

«Мне все время кажется, что этот мальчишка знает что-то, чего не должен знать».

Битан взглянул на него, но ничего не ответил.

Банья продолжал:

«Шисюн, подумай, он сказал, что пошел в долину Кангюнь, но в тот день, когда император был здесь, гора Цзюлу была под усиленной охраной. Как он пробрался к алтарю, и никто его не обнаружил?»

Битан спустя мгновение ответил:

«Он довольно низкого роста, возможно, стражники не заметили его».

Видя, что он не возражает, Банья продолжил:

«Подумай, шисюн, даже если его не заметили стражники и он пробрался сам, почему этот сопляк не пошел искать... покойного мастера секты вместо того, чтобы идти к алтарю?»

Битан повернулся к нему лицом.

У Битана была отличная репутация среди культиваторов горы Цзюлу, он был приветлив и общался со всеми. Поскольку мастер секты должен был быть более отстраненным и авторитетным, как того требовало его положение, у Битана даже связей было больше, чем у его шисюна. Его лицо также казалось нежным и приятным.

Битан мягко спросил:

«Шици, что ты хочешь сказать?».

Банья перестал колебаться:

«Мне кажется, с этим мальчишкой что-то не так, но я не знаю что. Возможно, он берегает силы, чтобы отомстить. Я думаю, мы должны избавиться от него совсем, ты знаешь....»

Он провел рукой по горлу, будто перерезая его, а его лицо исказилось в гримасе. Битан нахмурился.

Банья продолжал настаивать:

«Шисюн, я знаю, что ты милосердный человек, и мы наблюдали, как этот сопляк... этот ребенок рос, кто не испытывает к нему нежной привязанности? Но....»

Битан внезапно сжал руку своего шици, которая все еще демонстрировала режущий жест, и недовольно прервал его:

«Не говори больше об этом. Секта Сюань была праведной сектой на протяжении веков, мы все

справедливые и благородные люди. Даже если и были какие-то разногласия, это было ради общего блага, у нас не было выбора. Теперь, когда шисюна больше нет, а удача уже позаимствована, какой смысл усложнять жизнь маленькому ребенку?»

«Если он знает, что мастер секты был...»

Битан отмахнулся от него:

«Ну и что с того, что он может знать? Наша совесть чиста».

Видя, что Банья выглядит так, будто собирается спорить, Битан повернулся и серьезно сказал:

«На сегодня я свое слово сказал. Удуань вырос под моим присмотром, он хороший ребенок. Даже если в будущем он не будет таким хорошим, я сам позабочусь о нем. Даже если бы я, Битан, был бесполезен, несмотря на годы упорных тренировок, мне все равно не нужно было бы принимать меры предосторожности против такого ребенка, как он. Но до этого момента он все еще наш шичжи. Любой, кто захочет причинить ему вред, должен будет сначала пройти через меня!»

Банья уставился на него с открытым ртом, затем насмешливо улыбнулся и, хлопнув по рукавам, ушел.

«Что за чушь, – обиженно подумал Банья. Он злобно посмотрел на тонкую фигуру Ши Удуаня, все еще возмущаясь, – пх! Он просто шлюха, строящая себе памятную арку*, если пустить все на самотек и воспитать тигра*, это, несомненно, приведет к беде*. Когда-нибудь ты пожалеешь об этом, только подожди!»

(*) Шлюха, строящая себе памятную арку – китайская идиома, означающая, что кто-то является лицемером; воспитание тигра – китайская идиома, означающая, что потакая своему врагу, можно навлечь на себя беду.

Жаль, что он не был так силен, как Битан, не был так влиятелен, как Битан, и не был так умен, как Битан. Все, что у него было на горе Цзюлу, это старшинство – раньше это был мастер секты, а теперь – Битан, перед которым ему приходилось опускать голову. В душе Битан беспомощно кипел от злости, но, не имея другого выхода, повернулся и ушел.

Что касается мастера Битана, то, хотя он и говорил так уверенно, он не был так уверен, как казалось. Как мог такой хитрый старик, как он, не заметить всех недостатков в поступке Ши Удуаня?

Через семь дней старого мастера секты похоронили. В тот день, когда Ши Удуань вернулся в свою комнату и уснул, Битан не удержался и прокрался во двор посреди ночи, тихонько толкнул дверь Ши Удуаня и вошел внутрь.

Три живых существа в комнате уже спали, освещенные лунным светом, проникающим через окно. Ши Удуань спал на боку, свернувшись клубочком и обнимая что-то у своей груди. Битан подошел ближе и некоторое время рассматривал его. Юноша крепко спал, его брови были насуплены.

Битан подумал: неужели такой маленький ребенок, как он, который всю жизнь скачет и попадает в неприятности, действительно настолько наблюдателен, настолько хорош в обмане?

Он вспомнил, как Ши Удуань напрягался, когда к нему приближались другие, но отметил, что

отношение Ши Удуаня к нему было вполне нормальным. Несмотря на то, что он не суетился, не вел себя испорченно и не попадал в неприятности, а его манеры стали безупречными, не похоже, что он затаил какую-то глубокую обиду или что-то в этом роде. Если он и вправду знает....

Битан покачал головой и тихо рассмеялся, чувствуя, что перемудрил. Как раз когда он собирался повернуться и уйти, он вдруг случайно увидел то, что обнимал Ши Удуань. Несмотря на то, что она была завернута в ткань, ее свечение все еще было различимо в темноте. Битан осторожно протянул палец и, избегая конечностей Ши Удуаня, отодвинул ткань в сторону. Внутри оказалась астроябля.

Как только его палец коснулся астроябля, он почувствовал неестественную силу всасывания, ци в его теле, казалось, просачивалась сквозь пальцы. Слабое свечение астроябля стало ярче и, на первый взгляд, напоминало призрачный огонь.

Эта астроябля... была порождением зла!

Астроябля была отражением своего хозяина. Обычные предметы были подобны обычным, посредственным людям: они не принимали хозяев и не приносили никакой пользы, кроме вычислений. Но эта астроябля, возможно, благодаря своему материалу, а возможно, благодаря действиям судьбы, казалось, обладала душой - например, астроябля старого мастера секты во дворе была сделана из небесного камня, а звезды в ней - из измельченного порошка упавшей с небес кометы, она была необычной по своей природе. Эта астроябля, напротив.....

Конечно, Битан не знал, что астроябля Ши Удуаня была совершенно обычной, пока в нее не ударила божественная молния, пока она не съела душу злобного призрака, а затем не всосала тонну черной ци из трещины в долине Кангюнь - хоть это и было сделано ради защиты Ши Удуаня, ей пришлось нелегко. Но, тем не менее, ее ци уже была необычной и даже дополняла инь ци, которая выходила из трещины, так что она получила много преимуществ.

Эта колючая вещица явно обрела хозяина. Такие вещи, почти разумные, более или менее подчинялись только тем, у кого была судьба, но чтобы маленький ребенок обладал такой злой вещью...

Битан нахмурился, вспомнив разговор с шиди. По его спине поползло холодное чувство. Банья был прав, если этот ребенок действительно был настолько хитрым в столь юном возрасте, что проскользнул через такую мощную защиту, то причина, по которой он не пошел сначала искать мастера секты, вполне вероятна, потому что он заметил что-то неладное, не хотел быть пойманным и планировал выяснить правду. Затем, узнав, что в смерти его шифу было нечто большее, он все же смог обмануть всю секту...

Чем больше Битан размышлял, тем больше пугался, так что у него едва не встали дыбом волосы. Поэтому он снова вздрогнул. Неужели ребенок, которому едва исполнилось десять лет, может быть таким проникательным? Обладать таким самообладанием? С другой стороны, если такое злое существо признало его своим хозяином, то было очевидно, что Ши Удуань не так уж невинен и безобиден, как кажется.

Он все еще не решил, но медленно поднял руку, светящуюся фиолетовым светом, и, осторожно потянулся к голове Ши Удуаня.

В этот момент Ши Удуань слегка перевернулся, как будто его потревожил сон. Не успел Битан опомниться и отодвинуться, как Ши Удуань уже подкатился к нему.

Возможно, ему было холодно, судя по тому, как он прижался к его теплему телу и отпихнул в сторону астролябию. Он даже обхватил Битана руками и несколько раз чмокнул губами, что-то бормоча во сне.

Битан наклонился, чтобы прислушаться, и услышал:

«Шифу? Шифу Шифу перестань бить меня.....».

Битан остановился, Ши Удуань потерся лицом о его халат и пробормотал:

«Шишу... спаси меня, Битан шишу.....».

Фиолетовая энергия вокруг руки Битана постепенно рассеялась. Он осторожно похлопал Ши Удуаня по спине и мягко спросил:

«От чего ты хочешь, чтобы шишу спас тебя?».

Ши Удуань пробормотал «ух», и после долгого раздумья, наконец, сказал:

«Спаси меня... сделай так, чтобы шифу перестал меня бить».

Сердце Битана смягчилось. Он вздохнул, подтянул одеяло, которое Ши Удуань откинул в сторону, и осторожно уложил его. Он погладил его по голове и тихо вышел, закрыв за собой дверь.

Ши Удуань снова перевернулся лицом к двери и зарылся в простыни.

Затем он открыл глаза и уставился на стену. Он чувствовал, что его спина уже промокла от холодного пота.

Так Ши Удуань начал свое боязливое, полное страха пребывание на горе Цзюлу, воспитывая свою птицу и своего кролика и редко покидая свой двор.

Сначала Битан приходил каждый день, как его шифу, чтобы лично обучать его, но Ши Удуань заметил, что Битан никогда не учил его ни магическим, ни боевым искусствам. Он как будто готовил его к экзамену на государственную службу или что-то в этом роде, заставляя читать пыльную старую классику, в некоторых случаях он бросал ему несколько книг по гаданию и, используя недостаток знаний как оправдание, говорил, чтобы он сам разобрался в них.

Ши Удуань очень легко соглашался: он заучивал книги, если ему говорили, и играл с астролябией, если не говорили. Судя по всему, он несколько не был честолюбив.

Со временем Битан понял, что у его маленького шичжи хватает ума только на мелкие шалости, но не на то, чтобы добиться чего-то значительного. Он был похож на гнилую грязь, которая не могла даже оштукатурить стены, поэтому он перестал обращать на него внимание.

Его визиты перешли от ежедневных к раз в три дня, а затем, поскольку секта Сюань становилась все более загруженной, и у него появилась куча собственных учеников, у него вообще перестало оставаться время на посещение Ши Удуаня. Он заходил лишь раз в десять дней или около того с несколькими книгами, бесцеремонно проверял его и оставлял тонуть или плыть по течению.

При этом они не лишали его никаких материальных благ. Напротив, в этом плане отношение к нему было лучше, чем к большинству учеников.

<http://bllate.org/book/14187/1250176>